

УДК 82

Братское сердце из Сибири: Василий Шукшин в болгарской культуре (к 70-летию освобождения Болгарии от немецкого фашизма)

Стопченко Николай Иванович

Доктор культурологии, профессор,
Южный федеральный университет,

344006, Российская Федерация, Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105;

e-mail: nikis.don@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена восприятию и освоению духовно-нравственных корней «болгарского Шукшина», а также популярности и славе Шукшина в Болгарии.

Ключевые слова

Чувство общности, духовно-нравственные корни, «болгарский Шукшин», авторское кино, поиски смысла жизни, сатирическая комедия, уроки Шукшина.

«В нём были задатки ренессансного человека».

Йордан Радичков

Введение

Болгарская художественная культура – одна из древнейших в Европе. Одиннадцать веков отделяют нас

от её истоков, относящихся ко времени славянских просветителей Кирилла и Мефодия, Черноризца Храбра и Клементя Охридского. Вместе с тем она принадлежит к числу самых молодых на континенте, ибо в трагические годы пятивекового османского владычества болгарский народ лишился возможности развивать свою культуру. Сво-

бодолубивый и жизнеутверждающий пафос её сохраняется и после освобождения от иноземного ига (1878) на всех драматических перепутьях болгарской истории XX-XXI веков. Именно этим объясняется пронзительный гуманизм, преобладание социальной тематики, народный характер и реалистическая форма произведений лучших болгарских писателей И. Вазова, З. Стоянова, П. Яворова, А. Константинова, Е. Пелина, Д. Талева, А. Гуляшки, П. Вежинова, Э. Станева, Й. Радичкова и многих других.

Русская художественная культура XIX и XX столетий означала для болгар примерно то же, что классическая латинская литература для Западной Европы в эпоху Возрождения. «Чувство общности двух народов, двух культур – стародавнее, кровное чувство, – делился заветными мыслями болгарский поэт Л. Левчев. – Классики болгарской литературы прошлого века учились в России. Бежали со своей поработанной родины, впитывали в себя русскую культуру и, благодаря ей и через неё, – всю мировую культуру. И любовь к русскому народу, к русской культуре естественным образом перешла в любовь к России»¹.

1 Левчев Л. О болгарской культуре // Литер. газета. – 1983. – 2 марта. – С. 15.

Важным дополнением к сказанному выглядит прозорливый, с обоснованной тревогой, особенно понятной в наше непростое время, крик души писателя О. Орленова: «Надо сохранить, сберечь любовь Болгарии к России, кровную и естественную связь, *маленькое чудо* (курсив мой. – Н.С.). Придёт время, её можно будет еще раз проверить»². Думается, это время уже пришло...

Болгарские страницы в летописи мирового признания В. М. Шукшина – одни из самых содержательных и впечатляющих. В них отразилась благородная и глубоко сопереживающая душа славянского народа, с искренней симпатией отзывавшаяся на его притягательно-сокровенное слово и авторское кино.

Органично войдя в структуру болгарской демократической культуры, Шукшин приобрёл определенные «права гражданства» (Й. Радичков) на болгарской земле. Он пришёлся по душе покоряющим гуманизмом и истинной народностью, напряженностью нравственных раздумий и страстей, глубоким психологизмом и драматическими поворотами людских судеб, что рождает, по заверению пу-

2 Орленов О. О болгарской культуре // Правда. – 1989. – 9 ноября. – С. 4.

блициста А. Свиленова, «обязательное волнение и трепет от духовного сопричастия»³. По данной причине книги, фильмы и сатирические комедии Шукшина нашли под балканским небом благодарное признание читательской и зрительской аудитории, вдумчивых деятелей культуры, научный характер исследования. Не случайно в восприятии его наследия выявляются *все формы освоения*, в том числе плодотворное воздействие на художественные искания болгарских литераторов, кинематографистов, театральных режиссеров и актеров.

«Шукшин издавна популярен у нас, – отмечал А. Свиленов, не раз писавший о нем. – Долгие годы мы с интересом следили за его публикациями в русских и наших журналах, и немало людей обладает его многочисленными томиками, выпущенными огромными тиражами. Он быстро сумел установить контакт с нашей публикой и завоевать её расположение»⁴.

«Открытие» Шукшина для деятелей культуры, широких зрительских и читательских кругов Болгарии, начавшееся *раньше*, чем в других странах, определяется пристальным вни-

манием к его духовно-нравственным корням, совестливости и психологизму прозы и кино, броской «поливалентности» дарования. Критик М. Златева, представляя соотечественникам томик публицистики «хорошо знакомого нашим читателям и зрителям художника», пояснила: «Они его запомнили и полюбили за яркую самобытность, за щедрый талант и неповторимое мастерство как актера, режиссера, писателя»⁵.

Более десяти сборников избранных рассказов, повестей и публицистики, исторические романы «Любавины» (в двух книгах) и «Я пришел дать вам волю» (в двух изданиях каждый), весьма похожие по оформлению и содержанию на собрание сочинений русского писателя; отдельные публикации сатирических «повестей для театра» и десятки рассказов в периодике и антологиях, крупный успех фильма «Калина красная» и авторского кино в целом; включение сатирических комедий, инсценировок по его рассказам в репертуар многих столичных и провинциальных театров; изучение произведений в школах и гуманитарных вузах; серьезные достижения научной и критической мысли – таков болгар-

3 Свиленов А. Василий Шукшин отблизко // Пламък. – 1975. – № 6. – С. 190.

4 Там же.

5 Златева М. С перо, наточено в истината // Бълг. журналист. – 1981. – № 3. – С. 47.

ский «багаж» Шукшина, пополняемый и в наши дни.

Восприятие и бытование Шукшина в Болгарии содержат на сегодняшний день богатую историю, имеющую, разумеется, периоды (1959-1974, 1975-1990, 1991-2014) разной степени интенсивности в издании и научно-критическом освоении его художественного наследия. Творчество его получило содержательную аналитическую оценку в книгах и статьях И. Цветкова, А. Свиленова, Л. Минковой, И. Петрова, Д. Цветковой и других исследователей. Тогда намечались основополагающие проблемы изучения, определившие последующее развитие и достижения *болгарского шукшиноведения*, истории современной русской культуры. Признание его на болгарской земле происходило не только раньше, чем в других странах, но было основательнее и глубже, что служило предпосылкой более плодотворного освоения.

Своеобразие прихода Шукшина в Болгарию

С именем Василия Шукшина болгары впервые встретились более пятидесяти лет назад, когда его писательский дебют – рассказ «Двое

на телеге» (1958) сразу был замечен и опубликован на болгарском языке, причем, ещё дважды в разных переводах. Тема милосердия, ставшая одной из главных в шукшинском наследии, обратила на себя пристальное внимание болгар. «Первый шаг большого художника всегда удивляет, волнует, даже изумляет, – мотивированно объяснил причину своего обращения к Шукшину один из переводчиков рассказа Л. Любенов. – Он приносит нам еще одно трудно определяемое, но очень глубокое чувство: ощущение таинства и волшебства – то же, что испытываешь к природе, когда она из небольшого желудя создаёт могучий дуб. По тому, как направлен этот первый шаг, мы можем определить признаки почерка, ритма, целеустремленность на завтрашнюю уверенную походку»⁶. В писательском дебюте, как в проросшем зачатке будущего дерева, опытному взору аналитика видно, чего автор достиг и особенно *обещает достичь*.

Знакомству с авторскими фильмами, книгами и комедиями Шукшина на болгарской земле зачастую предшествовали, а затем и сопутствовали многочисленные публикации

⁶ Любенов Л. Началото // Българо-съветска дружба. – 1959. – № 18. – С. 45.

его рассказов в периодике и антологиях российской прозы, демонстрации лент с его актерскими работами. Вместе с тем общественное мнение в 1960-е годы всё прочнее *связывало его имя с миром кино*. Именно тогда на болгарском экране демонстрировались ленты с актёрскими работами Шукшина – «Два Федора» М. Хуциева, «У озера» и «Журналист» С. Герасимова, авторские фильмы «Живет такой парень», «Странные люди». Не за горами триумфальный успех ожидал «Печки-лавочки» и «Калину красную», а потом и его «лебединую песню» – роль солдата-бронейщика Петра Лопухина в фильме С. Бондарчука «Они сражались за Родину»...

Объяснение несколько парадоксальной ситуации с вхождением русского художника в болгарское общественное сознание дала известная переводчица Л. Минкова. В ответе на нашу анкету она с теплотой и профессиональной заинтересованностью писала: «Интерес к Шукшину возник у меня, как, по-видимому, и у многих, *одновременно* к актеру, сценаристу и писателю. Желание составить сборник его вещей появилось тогда, когда у меня уже сложилось представление о нем как об очень талантливом и глубоком писателе. В то

время автором он был еще, так сказать, спорным. Вероятно, некоторым читателям, да и критикам он казался человеком кино, который еще находит время «баловаться» прозой. Показать, что такое мнение ошибочно, можно было, именно представив более полно Шукшина-рассказчика. А рассказы Василия Макаровича были в то время еще далеко не собранными: многие появлялись в газетах и журналах, которые трудно было отыскать. Всё же, думаю, мне удалось собрать главное и составить первый вышедший у нас сборник «В профиль и анфас» (1976), который получил прекрасный приём у читателей»⁷.

Преждевременная, в расцвете жизни и творчества, кончина Шукшина вызывала повышенный интерес болгар к фильму «Калина красная» (1975) и его литературному первоисточнику, к сатирическим комедиям, что давало возможность оперативно поставить их на театральных сценах в столице и провинции. В предисловии к напечатанным «повестям для театра» А. Свиленов делал вывод, проливающий свет на *характер освоения* их автора: «К сожалению, болгарский

---

7 Письмо переводчицы Лиляны Минковой от 6.05.1982 г., София. (Из архива автора).

читатель, в отличие от кинозрителя, открывает Шукшина-писателя с опозданием. Данная публикация знакомит наших, читателей с большим мастером, выдающимся художником, *значение которого будет нарастать с годами*»⁸.

Литературовед И. Цветков в статье-предисловии «Необыкновенная проза Василия Шукшина» к сборнику со знаменитым названием «Калина красная» (1978) справедливо отмечал своеобразие палитры автора, акцентируя внимание на узловых моментах его творческой эволюции. «Гуманизм Шукшина наиболее полно выразился в «Калине красной» – произведении во многих отношениях показательного тем, что *человеческое в человеке* – стремление к добру и красоте – неистребимо, что только оно дает ощущение покоя, совести и полноты жизни... В сознании современных читателей он будет утверждаться как *классик советского рассказа*»⁹.

Появление фильмов, книг и пьес Шукшина в Болгарии сопровождалось массой многожанровых откликов и исследований. Большинство

из них опубликованы в 1970–1980-е годы, когда на болгарский язык было переведено практически всё художественное наследие Шукшина. Философско-культурологический, литературно-эстетический, кино- и театроведческий материал продолжает появляться и сегодня. Одаренный сын России оставил *значительный след* в болгарской культуре и общественном сознании вначале как актёр, потом как режиссёр и писатель, но по внутреннему значению его художественные роли всё-таки распределяются в обратном порядке...

Освоение Шукшина-художника в болгарской славистике

Развернутые исследовательские работы с глубокими и оригинальными суждениями И. Цветкова, А. Свиленова, Т. Шейтанова, И. Захариевой, Д. Цветковой, диссертация и статьи И. Петрова, некоторых других деятелей болгарской культуры принадлежат к лучшему, что сказано о русском художнике под балканским небом. Многообразные проблемы его художественного наследия – особенно *нравственно-философские аспекты бытия* – рассматривались историками

8 Свиленов А. Шукшин на български // Народна младеж. – 1976. – 9 августа. – С. 6.

9 Шукшин В. Калина алена. – София: Нар. младеж, 1978. – С. 5.

и теоретиками культуры, филологами-русистами, деятелями кино и театра. Глубокое постижение творческой лаборатории писателя и кинематографиста, оригинальность в раскрытии культурологического содержания его произведений позволяют сделать вывод *о значительном уровне* молодого болгарского шукшиноведения. Оно даёт сегодня серьёзный философско-культурологический анализ всех творческих ипостасей русского автора, утверждает в мысли, что его наследие широко вошло в орбиту художественных исканий болгарской культуры.

Бросается в глаза значительный и постоянный интерес болгар к «всесторонне развитой творческой личности Шукшина»¹⁰. Непреходящее внимание к нему согрето искренней симпатией, восхищением его словом и кинематографом. Множество отзывов создавали проникновенный «мозаичный портрет» художника. В частности, переводчица «Калины красной» К. Витанова делилась с нами сокровенными раздумьями: «До сих пор ничем не могу восполнить *пустующее место* преждевременно замолкшего пера, его необыкновенного таланта. Не могу восполнить его в себе как гражданин,

который был пленен *верой Шукшина в человеческое у человека*, как литератор, у которого была возможность с радостью и ответственностью претворять его поэтику, такую яркую и самобытную. Василий Шукшин был для меня грустным (грустным непреходимыми лабиринтами сложной человеческой душевности) и мудрым писателем (мудрым пониманием этой сложности). Он *умел проникать* в её самые скрытые уголки, улавливать колебания и к хорошему, и к плохому, подавать руку усилиям ищущих, переносить боль без отчаяния. Шукшин был *земной чувствительной натурой*, которая честно и без страха спускалась до самых трагических пластов, не теряя романтическую надежду на его моральное возвышение»¹¹. Для И. Цветкова шукшинское «сокровенное кредо – в сыновних раздумьях о великой судьбе своего народа, его духовных ценностях, завещании и прозрении, без которых никогда не было бы большого художника»¹². А. Свиленов отмечал его «совершенное владение жанром рассказа, достигающее широ-

10 Каракашев В. Безапелационна присъда // Пулс. – 1975. – № 23. – С. 12.

11 Письмо переводчицы Кати Витановой от 15.07.1982 г., София. (Из архива автора).

12 Цветков И. Необикновената проза на Василий Шукшин (Предговор) // Шукшин В. Калина алена. – София, 1978. – С. 5.

ких обобщений *о сущности и глубине русской души*, за которой неистребимое стремление к общению с возвышенным и прекрасным»¹³. Публицист С. Игов отдавал должное «истинной народности кумира»¹⁴. Филолог-русист Д. Цветкова видела в нём «необыкновенно чуткого к окружающему миру художника, проза и публицистика которого исполнены болью за завтрашний день»¹⁵.

С древней болгарской земли в мае 1975 года начиналось триумфальное шествие по планете «Калины красной», «*волнующего завещания*, оставленного нам Василием Шукшиным»¹⁶. По мнению многих деятелей кино, она предстает *вершиной его творческого пути*, а все авторские фильмы «находятся среди наиболее значительных явлений современного советского киноискусства»¹⁷. Трагическая судьба Егора Прокудина вос-

принималась болгарским сознанием в её *нравственно-философском звучании*, ибо в авторском понимании фильм Шукшина о человеке со сложной судьбой и характером. Большинство оценок фильма и одноимённой повести были сконцентрированы на нравственном потрясении и перерождении человека «дна», расследованном во всестороннем и художественно правдивом показе героя, через мучительные сомнения уходящего от своего прошлого.

Кинопублицист М. Туровска пронизательно заметила, что в «Калине красной» Шукшин-режиссер по-своему истолковал и выразил Шукшина-драматурга, а Шукшин-актер поднялся на высшую ступень творческой свободы, создавая своего удивительного Прокудина»¹⁸. Размышляя над «*философской притчей о человеке*», Д. Димова существенно обогащала её мнение: «Есть одна огромная душа, чуткая к красоте и добру – то мятущаяся, страдающая и очищающаяся *русская душа*»¹⁹. *С неподражаемой искренностью и простотой Шукшин смог сказать обо*

13 Свиленов А. Нови лауреати на Ленинска награда // Отечествен фронт. – 1976. – 26 апр. – С. 8.

14 Игов С. Таланти руски // Пламък. – 1977. – № 4. – С. 218.

15 Цветкова Д. Памяти В.М. Шукшина // Болг. русистика. – 1974. – № 6. – С. 10.

16 Молхов Я. Голямото доверие // Отечествен фронт. – 1975. – 26 май. – С. 4.

17 Свиленов А. Шукшин – един своеобразен (литературен) творец // Съвременник. – 1975. – № 4. – С. 24.

18 365 дни кино 1975 година. – София, 1977. – С. 140.

19 Димова Д. Драмата и щастието на Прокудин // Народна култура. – 1975. – 7 юни. – С. 6.

всех тех, кто не имел в жизни «точек опоры». В судьбе Прокудина и других персонажей им постигнуто нечто неповторимое, индивидуальное и крайне важное.

В труднообозримой болгарской кино-библиографии о «Калине красной» встречаются всё новые грани осмысления главного героя и тонкие наблюдения-открытия в режиссерской и актерской работе самого Шукшина. К примеру, в оценке Н. Милева, его фильм сделал «значительный вклад в обогащение современного кинематографического мышления»²⁰. Вопреки неожиданной ранней смерти даровитого режиссера и писателя, он оставил значительное и оригинальное кинонаследие. «Это пример самобытного, типично русского таланта – властного, неудержимого и глубоко лиричного». Когда говорят о расцвете бывших национальных кинематографий, то часто односторонне ищут его в колоритном своеобразии среднеазиатской или закавказской экзотики, в строгой графичной сдержанности искусства прибалтийских республик, что само по себе ценно и важно. «Но не будем забывать бес-

20 Милев Н. Жалони на экрана: «Калина алена» // Работническо дело. – 1975. – 4 сент. – С. 4.

ценную сокровищницу многовековой русской культуры, – правомерно настаивал критик. – Шукшин оставил прочный след в раскрытии русского характера и духа»²¹. С данным мнением солидаризуется Ц. Нецова: «Он высказал новую мысль о современном русском человеке и раскрыл в новом свете его неисчерпаемое духовное богатство»²². Исключительно ценны сокровенные раздумья-выводы, фиксирующие непреходящую значимость Шукшина-художника сегодня, когда в невероятных муках пытающаяся обновиться Россия нуждается в духовных наставниках...

Основной герой «Калины красной», продолжал диалог в средствах массовой информации Н. Милев, – «глубоко трагическая личность, проходящая через всевозможные дебри страданий и искушений»²³. Прокудин смертью искупил свои жизненные ошибки, виновный в них сам. В отношениях его к матери, жене, бывшим соучастникам по «подземному миру» преступности становились очевидными черты типично русского ха-

21 Там же.

22 Нецова Ц. Шукшин – майстор на портретната характеристика // Родна реч. – 1979. – № 8. – С. 6.

23 Там же.

рактера, на первый взгляд, странные и необъяснимые для постороннего наблюдателя, а, в сущности, глубоко логичные, органичные для него и художественно неповторимые. Может показаться, что перед нами *единая камерная драма*. Встретились две души – Егора и Любы – с грузом ошибок в не сложившейся личной жизни. «В такой частной драме оба неудержимо втягиваются в *эпическое измерение* народной судьбы. Шукшин вопиет о её трагическом измерении не в полголоса и робко, а гневно обличает с ясной гражданской позиции – и в этом проявляется мощная сила его гуманизма. *Здесь бьет ключом его вера в богатырскую мощь русского народа*»²⁴. Шукшинские персонажи – земные, полнокровные и действующие. Такие люди не могут не превозмочь самых трудных испытаний. Даже гибель Егора Прокудина звучит оптимистично-наступательно. Этот мотив не декларативен: он организован художественно лаконичными, но выразительными штрихами. «Калина красная» *поднимает престиж русского кино* и его ведущую роль в процессах, происходящих в мировом кинематографе. Сказанное позволяет режиссеру Л. Стайкову особо от-

24 Там же.

метить «неповторимую кинопоэтику Шукшина»²⁵.

Гуманистический потенциал «Калины красной»

На «киноволне» оживленного массового интереса к «Калине красной», как не раз случалось в других национальных культурах, был опубликован на болгарском языке её литературный первоисточник. Повесть вызвала широкий резонанс среди специалистов, часто державших оба произведения в поле зрения. Так, она стала *незабываемым событием* в жизни переводчицы К. Витановой: «Моя работа над «Калиной красной» была исключительным переживанием, человеческим и гражданским, потому бесконечно взыскательной к художественному эквиваленту оригинала»²⁶. Весьма значима роль переводчиков К. Витановой, Л. Минковой, Л. Ацевой, Б. Мисиркова и К. Савова, «почтовых лошадей просвещения» (А. Пушкин), в приходе и популяризации в своей культуре творчества Шукшина: его красочная и колоритная проза так же звучит на болгарском.

25 Выдающееся явление мировой культуры // Искусство кино. – 1979. – № 9. – С. 176.

26 Письмо переводчицы Кати Витановой от 15.07.1982 г., София. (Из архива автора).

Филолог-русист Д. Цветкова нашла проникновенные слова, заставляющие поразмышлять над своеобразием «болгарского Шукшина». В русском человеке, даже оказавшемся на социальном дне, убеждена она, неистребимо заложено в тайниках души стремление *делать добро людям*, порожденное неистощимой верой в гуманный потенциал человека. Тонкий психолог, Шукшин показывал, что человек не может жить оторванным от окружающей среды, что наступит тот день и час, когда каждый будет отвечать перед неумолимым судом прошлого. Что касается участия Любы Байкаловой в эволюции и нравственном воскрешении бывшего преступника, то она является тем внешним толчком-двигателем, «*пружиной*» всех его действий. «Её столь ненавязчивое присутствие как персонажа служит своеобразной путеводной нитью поступков Прокудина, ибо с точки зрения поэтики повести она предстаёт композиционным стержнем повествования»²⁷. Люба Байкалова с её естественным доверием и уважением к людям с особой властью притягивала к себе уже *растревоженную душу Егора*. Много горечи и необузданных страстей, палящей тоски и порыва к

моральному возрождению, много раздумий, скрытого очарования и упоения приносят повесть и её экранизация...

Подобные пронизательные наблюдения перекликаются с суждениями опытной переводчицы К. Витановой. «Не напоминает ли такой художественный вклад народный опыт – мрачный и светлый, грустный и смешной, суровый и ласковый, наказывающий и отпускающий, – выкристаллизовавшийся сквозь века? Считаю, что эти качества его творчества наиболее сгущённо воплощены в «Калине красной». Я назвала бы эту повесть *восхвалением справедливости*: за её внушение исконно человеческого стремления к счастью, высокое нравственное требование»²⁸. В иной трактовке фабульные коллизии «Калины красной» могли стать и заурядной уголовной хроникой, и дешевой мелодрамой – «мыльной оперой». Шукшин мастерски поднял её на высоту *нравственно-философских раздумий о жизни*, её истинных и ложных ценностях.

Нетрадиционно подошёл к трактовке фабулы «Калины красной» литературовед И. Петров, увидевший в ней *библейскую притчу* о блудном

27 Цветкова Д. Памяти В.М. Шукшина // Болг. русистика. – 1974. – № 6. – С. 11.

28 Письмо переводчицы Кати Витановой от 15.07.1982 г., София. (Из архива автора).

сыне с той лишь разницей, что попытка Егора вернуться в родной дом заслужена ценой жизни. Элементы притчевой образности прослеживаются в подаче автором некоторых деталей. В частности, первая борозда, которую Прокудин проводит в своей жизни в поле, воспринимается символически: она заветный рубеж стремлений Егора к воле и внутреннему освобождению, вместе с тем отделяет его от прошлого²⁹. Главное в «Калине красной» – философский подтекст, раздумья художника о человеке, о его месте в жизни и назначении на земле, о том, как дорого обходится компромисс с совестью. Прокудин нуждается в понимании, в сочувствии и поддержке, но он сам не верит, что окружающие его люди сразу поймут и примут его. Потому герой Шукшина демонстрирует целый набор масок, чаще всего маску агрессивности, скрывая под ней мятущуюся душу.

Синтез творческих ипостасей художника в болгарском восприятии

Философско-культурологическая мысль Болгарии высоко ценит

²⁹ Петров И. Повести Василия Шукшина // Болг. русистика. – 1984. – № 6. – С. 4-5.

единство творческой и гражданской позиции русского художника, придававшим тончайшую чувствительность социальной совести в его прозе и кинематографе, вдохновляющим на *неустанный поиск* и напряженные раздумья над социальными и нравственными проблемами. Так, по мнению А. Свиленова, «различные искусства с одинаковой готовностью подчиняются его самобытной индивидуальности, что устанавливает между ними одну своеобразную гармонию, одно философское и стилевое единство»³⁰. «Болгарский Шукшин» – оригинальный художник, не уместающийся в русло «деревенской прозы», осмысляется во всех своих творческих ипостасях. Истинная народность, высокая художественность и проникновенный гуманизм выделяются многими деятелями болгарской культуры как *черта его таланта*. Именно данные качества помогают ему выдержать сегодня «испытание на разрыв», позволяют рассматривать современную русскую художественную культуру как общее достояние славянской культуры, как мощный фактор, участвующий в социальной жизни.

³⁰ Свиленов А. Шукшин – един своеобразен (литературен) творец // Съвременник. – 1975. – № 4. – С. 24.

Глубоким пониманием творческой личности Шукшина, истоков его «*одухотворенного реализма*» проникнуты раздумья известного болгарского историка и теоретика культуры И. Цветкова. Пожалуй, впервые за рубежом столь пронизательно и проникновенно определяется философско-культурологическое своеобразие образной системы и художественного мастерства писателя. «Простодушные и мудрые старики, рано созревшие юноши – будущие Ломоносовы, неисправимые правдолюбцы и чудачки, которые носят в крови восхищение прекрасным, артистическое начало в жизни; буйные головы, не боящиеся смерти, обыкновенные работяги, которые всю жизнь могут хранить глубокое и сильное чувство; и наряду с ними – красивые звери и хищники или обезличенные городские интеллигенты, утратившие народную нравственность. И чувство юмора, и ирония, и сарказм, и боль за человека, и восхищение им, и постоянный трепет и тревога о его судьбе, о пути, который он избрал – этим исполнены рассказы Шукшина»³¹. Исследователь, несомненно, покорен силой и особой магией его слова. Точно

31 Цветков И. Необыкновенная проза на Василий Шукшин (Предговор) // Шукшин В. Калина алена. – София, 1978. – С. 5.

обозначены излюбленные персонажи и объекты сатиры, ведущие характеристики культурологической и этической позиции художника. Богатая галерея народных типов создает неповторимый мир, властно притягивающий широкую читательскую и зрительскую аудиторию.

Болгарское общественное сознание всегда тянулось к русскому человеку, к его духовно-нравственным корням в наследии Н. Гоголя, Л. Толстого, Ф. Достоевского, Н. Некрасова, М. Горького, М. Шолохова, В. Шукшина... Их имена особо значимы для деятелей болгарской культуры. «С книгами Шукшина, – убеждает нас болгарский русист, – происходил странный, но глубоко закономерный процесс: они, проникая вглубь народа и воспринимаясь как *новое искреннее слово* о русской жизни, о простых людях труда, разбирались *как хлеб насущный*»³². Библейская метафора фиксирует пронизательное видение Мастера. В этом убеждает также содержательный отзыв филолога-русиста С. Игова на первые шукшинские издания в Болгарии, в котором явно ощущается переключка с суждением И. Цветкова. «Добродушные старики и русоволосые веснушчатые

32 Там же.

мальчишки, сбежавшие заключенные и трактористы-шутники, охотники и колхозники, кладовщики и шоферы, ветераны-инвалиды и легкомысленные красотики, деревенские холостяки с пышной шевелюрой и философствующие старики, добродушные простаки и закоренелые преступники – какие только человеческие судьбы не встречаются в бескрайних просторах художественного мира Шукшина. При всем своем многообразии эти персонажи схожи друг с другом *по глубине русского колорита*, по типичному славянскому душевному складу, по своей одинаковой сопричастности к исторической судьбе народа»³³. Точнее и глубже звучат болгарские определения «шукшинского типа», «персонажей с чудинкой», чем отмечено некоторыми российскими филологами и публицистами.

Для историка культуры и филолога-русиста Д. Цветковой очевидно «*непреходящее воздействие творчества Василия Шукшина*», ибо «он успевал откликаться на каждое событие, на каждый спазм нашего времени»³⁴. Не числом книг измерялся

общественный резонанс прозы писателя, а «тем чувством неудовлетворенности в сфере сложных взаимоотношений людей, тем непосредственным и обостренным восприятием жизни», характерных только для настоящих мастеров словесного искусства. Важнейшим штрихом в творческом портрете Шукшина является то, что «он глубоко и тонко *понимал природу современного человека*». Углубляясь в незыблемую сущность его русского феномена, болгары должны «ощутить его кровную связь с родниками *народного самосознания*», обратить внимание на «особое место, занимаемое Шукшиным среди представителей не совсем удачно названной «деревенской прозы» – С. Залыгин, Е. Носов, В. Белов, В. Астафьев, В. Распутин и другие, – творчество которых *сейсмографом* отражает перемены, происходящие в стране»³⁵. Особое место его видится в Болгарии не только благодаря пристрастию к воссозданию характеров и судеб, но благодаря культурологическому спектру шукшинских рассказов, повестей и романов.

Констатируя особую *функцию диалога* в новеллистике русского писателя, Д. Цветкова находит в ней *дополнительный, второй план*, про-

³⁵ Там же.

³³ Игов С. Таланти руски // Пламък. – 1977. – № 4. – С. 217.

³⁴ Цветкова Д. Новелистът Шукшин – единно непредвидимо въздействие // Родна реч. – 1985. – № 3. – С. 12.

зорливо открытый ещё патриархом русского театрального искусства К.С. Станиславским и связанный с «подводным течением», то есть главной линией развития новеллы. Права она и в том, что художественную неотразимость новелл Шукшина связывает с совершенно своеобразным и органичным соединением напряженного диалога в его драматической и сценарной интерпретации, неременного *подтекста*, точности детали. У него персонажи «самопсихологизируются» посредством действий. Так, в новелле «Вянет, пропадает» с помощью напряженного диалога художник развенчивал тип поведения эгоцентричного городского мещанина, резко отличающегося от его «персонажей с чудинкой». Большинство новелл писателя, полагал критик, можно воспринять одновременно и как *предупреждение*, и как *призыв* к борьбе с застоём, ретроградством и потребительской психологией. Регистр его рассказов и новелл очищен от всего лишнего, а крупным планом дан характер, образ, типаж. Всё написанное Шукшиным поднимается как мощный столп навстречу грозящей бездуховности. Его *этическая позиция* передает высокую гуманность человека и художника, сумевшего возвыситься над мелоч-

ностью, мещанством и низменными страстями. В этом смысле Шукшин является наследником гуманистических традиций русской художественной культуры и правомерно сближается с А. Чеховым, Ф. Достоевским, И. Буниным, Н. Лесковым, Н. Гоголем.

Публицист Ц. Нецова убеждённо утверждала, что Шукшин останется в сознании болгарских почитателей и деятелей национальной культуры как большой художник-реалист, непревзойденный мастер портретной характеристики с присущим ему тонким чувством меры и такта. Подчеркивалась также его любовь к людям, беспредельная вера в доброту человека, сильно развитое чувство справедливости и глубокая философско-культурологическая основа, пронизывающая все произведения в прозе и кино. «Он высказал *новую мысль* о современном русском человеке и раскрыл его неисчерпаемое духовное богатство *в новом свете*»³⁶. Нас не могут оставить равнодушными большая душевность и благожелательность, научная зрелость и принципиальность болгарских деятелей культуры в постижении русского художника «изнутри» творчества...

36 Нецова Ц. Шукшин – майстор на портретната характеристика // Родна реч. – 1979. – № 8. – С. 6.

Какие только человеческие судьбы ни встречаются в бескрайних просторах шукшинского мира, справедливо отмечал публицист С. Игов. Видя в нем соответствующее *звено русского художественного сознания* – от А. Пушкина, Л. Толстого, А. Блока до М. Горького, он пришёл к выводу, что «творчество Шукшина – это *голос из глубины крестьянской России, дремлющих или уже пробудившихся к новой жизни*»³⁷. Писатель «умеет и в грязной пене отыскать чистую струю нравственного здоровья, природной одухотворенности, неистребимой красоты человеческой души; он умеет и под тонкой оболочкой внешней культуры открыть духовное равнодушие и нравственную глухоту»³⁸. Когда-то о русской художественной культуре говорили, что она «искала человека и в звере», напоминает С. Игов. Шукшин открывает порой живущее в человеке «звериное начало», но это отнюдь не умаляет его покоряющего гуманизма, напротив, придаёт ему больше жизненной правды. Болгар поражал своим «жестоким реализмом» рассказ «Охота жить»: каким бы ужасающим ни был поступок молодого преступника,

утверждается «нравственное превосходство старика Никитича, духовный свет, излучаемый этим человеком»³⁹. Художник бескомпромиссен в отношении к злу, что с явной определенностью проявляется во многих его произведениях.

Для филолога-русиста И. Захариевой рассказы Шукшина «заклучают в себе нечто принципиально новое, неповторимое» и вместе с тем «в его малой прозе ощущается какой-то отдаленный *отголосок* русской реалистической классики»⁴⁰. Рассказчик делает объектом тот *широкий пласт* народной жизни, который пока оставался за пределами внимания советской художественной прозы: характеры переходного времени, периода постепенной урбанизации сельской жизни, возрастания прагматического сознания, оживления мещанской стихии. «Ошибочно было бы называть Шукшина «деревенским прозаиком», – верно резюмировала эрудированный публицист, – ибо «его интересуют больше всего грани между деревенской и городской жизнью, деревенской и городской культурами»⁴¹. В малом эпосе ху-

37 Игов С. Таланты руски // Пламък. – 1977. – № 4. – С. 217.

38 Там же.

39 Там же.

40 Захариева И. Новеллистика В. Шукшина // Болг. русистика. – 1982. – № 5. – С. 3.

41 Там же.

дожника наблюдается типологическая общность конфликтов и характеров. Есть большой смысл в том, что его не только интересуют общественное положение или профессия персонажей. Главное его внимание увлечённо обращено *на раскрытие их души*, выявление её нравственной сущности. Как гуманисту ему интересен каждый человек, поэтому он никогда не делит своих героев на положительных и отрицательных, главных и второстепенных, любимых и нелюбимых. Горькая авторская ирония Шукшина порождена тем, что замечаемое им уродство собственнического сознания и заурядность прагматической натуры воспринимается большинством людей как норма, а увиденный им прекрасный человек слывет чудачком и индивидуалистом. Не ради оригинальничания берет писатель под защиту своих чудачковатых, задиристых и независимых персонажей.

Он исследует качества и свойства человеческой натуры в условиях современной жизни, отделяя истинные моральные ценности народа от разнообразных нежелательных «примесей». Но истинные моральные ценности – не слитки золота, лежащие на поверхности: золотники добра нужно искать в обыкновенных людях, что

живут вокруг нас. Такой кропотливый труд мало кому даётся, а Шукшину с его знанием народной жизни и психологии труд художника-исследователя оказывается по плечу.

Шукшинских «антигероев», продолжала И. Захариева, отличают свои полярные качества: практицизм, атрофия души в сочетании с грубостью, злостью и презрением к «простому человеку». Рассказчик обличает носителей моральных пороков, обнажая антигуманную суть существующего нравственного зла. Конфликтные ситуации в его новеллах провоцируются обычно отрицательными персонажами. Драматизм малой прозы Шукшина обусловлен также одной из ведущих тем, рассматриваемой с разных сторон – *историй не реализованных человеческих возможностей*. Печальное открытие данного факта драматически окрашивает шукшинские притчи, изобилующие комическими положениями и деталями. «Чувство юмора, свойственное русскому народу, воплотилось в самом стиле рассказанных историй»⁴², когда создавался характерный сплав комизма и драматизма в рассказах «Миль пардон, мадам!», «Мой зять украл машину дров», «Верую!» и др. Вели-

---

42 Там же.

чайшее предназначение человека, по Шукшину, в том, чтобы создавать на земле Красоту, *творить добро*. Поиски смысла жизни есть сердцевина художественной ткани его новеллистики. «Главным для Шукшина, – утверждала И. Захариева, – оказывается *человеческая душа* – широка ли она, как поля России, или же узка, как домашний сундук с добром. Любящая красоту и бунтующая против житейской грязи и злобы, душа шукшинского персонажа «с чудинкой» – чистая, зеркальная поверхность Родины»⁴³. Он исследует характерных представителей народной среды, их состояние души, что позволяет воссоздать *лик общества 1960–1970-х годов*.

Освоение традиций русской классики на новом уровне

Истинный художник немислим без крепких корней в отечественной культуре, всегда служащие питательной средой его искусства. Глубоко восприняв *чеховскую традицию* в области малой прозы, Шукшин поднимает на новую ступень поэтику рассказа, показывает новые возможности жанра, в частности, выраженные в *усилении роли подтекста* и детали в стилисти-

ческой манере, определяемой «принципом недоговоренности»⁴⁴. Проявляя тонкое понимание закономерностей русского историко-культурного процесса, известный болгарский литературовед пронизательно отмечал, что Шукшин-прозаик с «неподражаемой и ненавязчивой силой *продолжал традиции* той совестливой литературы, начатой Л. Толстым, Достоевским и Чеховым, которая помогала русскому человеку познать самого себя и освободиться от духовного рабства, привычек, предрассудков и зажить настоящей жизнью»⁴⁵.

Филолог-русист Т. Шейтанов рассматривал прозу Шукшина в русле традиций классической художественной культуры. Анализируя идейно-эстетические искания современного русского писателя, он обращал основное внимание на творческое преломление в произведениях Шукшина некоторых черт поэтики Ф. Достоевского, хотя отмечал такого рода связи и с другими корифеями. Ученый констатировал, что Шукшин следует в художественных исканиях по пути, намеченному «великими гуманистами

44 Цветков И. Необикновената проза на Василий Шукшин (Предговор) // Шукшин В. Калина алена. – София, 1978. – С. 5

45 Там же.

43 Там же.

Достоевским, Гоголем, Чеховым...»⁴⁶. Он находил довольно много различных точек соприкосновения автора «Калины красной» с персонажами его великих предшественников, делая первую серьезную попытку рассмотреть «зону творческого притяжения» Достоевского в зарубежной культуре. Она проявляется не только в темах и мотивах, но и в принципах творческого воплощения, особенно в «психологической динамичности образа»⁴⁷.

Многие произведения Шукшина, рассматриваемые с этой точки зрения, производят *полифонический эффект*. Вслед за Достоевским, воссоздавшим психическое состояние персонажей во всей многогранности проявлений, существующих одновременно и нередко противоборствующих друг с другом, Шукшин «разлагает художественный образ, создавая двойственность, а в некоторых случаях и *множественность* взглядов и характеров, вступающих в полемику между собой»⁴⁸. Общей чертой твор-

ческого метода двух авторов Т. Шейтанов считает склонность к быстро развивающемуся, сконденсированному действию. Отмечая их интерес к «странным людям», «людям с чуждой», к непривычным характерам, он связывал его со свойственным Достоевскому и Шукшину тяготением к *гротеску*. Только у последнего сходятся два противоположных начала – трагическое и оптимистическое.

Различие в отношениях Достоевского и Шукшина к *проблеме отчуждения*, всегда актуальной на отечественной почве, Т. Шейтанов объяснял понятной разностью эпох, к которым они принадлежат. Достоевский часто обращался к пародии, сопоставляя взаимоисключающие взгляды, литературные приемы и формы. В произведениях Шукшина *пародия* также играет существенную роль, например, пародийное использование фольклорной формы в повестях-сказках «Точка зрения» и «До третьих петухов». Сочетание фантастического и реального служит постановке важных социальных проблем. Т. Шейтанов убежден, что поздний Шукшин проникает в «глубины социально-психологической сущности индивида, в сознание обыкновенного человека; как и Достоевский, он ищет гуман-

46 Шейтанов Т. Епичното изображение в романа на В. Шукшин «Дойдох свобода да ви дам» и опитът на Л. Толстой // Родна реч. – 1981. – № 8. – С. 41-45.

47 Там же.

48 Шейтанов Т. Прозата на В. Шукшин и традициите на руската класическа литература // Литературна мисъл. – 1983. – № 9. – С. 55-68.

ные проявления в поведении своих персонажей»⁴⁹. Таким образом, в его наследии отражены важнейшие тенденции развития российского общества.

Болгарской научной и художественной аудиторией справедливо замечено, что синтез всех творческих ипостасей художника ярко выражается в *драматургическом начале* шукшинских рассказов, повестей и романов. Действительно, повышенная идейно-художественная функция диалога, резкое сокращение описательных сцен, впечатляюще выраженный драматизм и целенаправленность воссоздаваемых характеров, колоритный лаконичный язык – всё есть красноречивое подтверждение его слова и кинематографа. В Шукшине щедрый талант отражает *жгучие проблемы* современности в предельно сконцентрированной форме, что, в конечном счете, и вводит его в магически-притягательный мир кулис.

Шукшин театральный на болгарской земле

Почти одновременно со знаменитой «Калиной красной» начиналось знакомство (1975) болгар с драматур-

49 Там же.

гической частью наследия Шукшина. Все его сатирические «повести для театра» – плод смелых решений и экспериментов в новом синтетическом жанре – и инсценировки по циклам рассказов входили в репертуар более двадцати столичных и провинциальных театров, определяя в очередной раз *новый уровень* постижения русского гения. Его мастерство и большей частью удачные постановки пьес производят сильное впечатление в театральных кругах и зрительской аудитории.

Серьезным деятелям театра и публицистам он открывается какой-то новой гранью своего драматургического дарования, так как втягивает в свое особое *гравитационное поле* почти всё остальное наследие. Их реакцию на постановку первой комедии русского драматурга особо оценил Н. Боздуганов как «богатую у нас сценическую биографию «Энергичных людей»⁵⁰.

Театровед А. Иванова находила, что в «Энергичных людях» на сцене театра в Хасково «неожиданно предстал совершенно другой Шукшин: здесь объединились в одно целое сатирическо-изобличительный па-

50 Боздуханов Н. Проверка на силите // Театър. – 1979. – № 1. – С. 32.

фос Гоголя, мрачная ирония Сухово-Кобылина и гневная невоздержанность Маяковского»⁵¹. М. Папазова верно почувствовала в тех же персонажах сатирической комедии «почти невидимую грань между обыкновенным мещанством и преступлением – суровый жизненный урок нравственности; диалектика естественно привела земной талант Шукшина и на другой полюс – полюс комического и сатирического»⁵². Г. Маркова объясняла этот интерес к шукшинской пьесе прежде всего «ясной гражданской позицией Хасковскогo театра к актуальным проблемам сегодняшнего дня»⁵³. Режиссер У. Матева достигла острого сатирического разоблачения «энергичных людей» богатой и убедительной характеристикой предосудительного социального явления, категорически отрицая его право на существование. Публицист Д. Цолов объяснял успех спектакля в несомненных достоинствах режиссуры У. Матевой и резюмировал: «Эта пьеса наполнена теа-

51 Иванова А. Настъпление срещу «енергичните хора» // Народна култура. – 1975. – 15 ноем. – С. 4.

52 Папазова М. За човека, както в медмцината, трябва да се борим до край // Драматичен театър Ст. Бъчваров. – Варна, 1975. – С. 4.

53 Маркова Г. На театралния афиш – Шукшин // Театър. – 1976. – № 1. – С. 31.

тральной панихидой зоологическому энтузиазму бывших людей, случайно попадающихся среди нас»⁵⁴....

На болгарской сцене сатира сохраняет достоверность *бытовой комедии*. Становится ясной органичность прихода «повестей для театра» Шукшина, в которых доминирует *взгляд сатирика* – острый, едкий, ироничный, не склонный вуалировать общественные и личные недостатки. На беспощадный сатирический бич и уничтожающий смех зрителя он выводил объективные и субъективные обстоятельства, способствующие застою и разложению.

Рецензируя популярных в Болгарии «Энергичных людей» на сцене Плевенского театра, публицист Д. Стайков размышлял над спецификой драматургии Шукшина. За анекдотической стороной сюжета, убежденно полагал он, режиссер Е. Цикова вскрывает опорные точки авторской типизации. Этот метод «схож не только с острым, безапелляционным отрицанием Гоголя, но и дистанцирующей позицией Маяковского к проявлениям анахронизма в обществе и человеческом сознании»⁵⁵. В спекта-

54 Цолов Д. Делото се води при открити врати // Народна млпдеж. – 1975. – 1 дек. – С. 8.

55 Стайков Д. Зрелището владее сцената // Театър. – София, 1978. – № 7. – С. 28.

кле – щедрая и точно использованная буйфоната, пантомима и клоунада, служащие средством продемонстрировать внутреннюю несостоятельность «энергичных людей» и обреченность их «жизненной философии». Приём взаимного проникновения конкретного и условного, *тенденция к синтезу* образов-типов по-прежнему близки театральной эстетике Маяковского. «Театр – не зеркало, которое отражает, а лупа, которая увеличивает»⁵⁶.

Театровед К. Бабичева восприняла спектакль Плевенского драмтеатра как «единство сложного и многовариантного прочтения Шукшина»⁵⁷. Идеино-художественное впечатление от актерской игры на сцене формировалось в страстной непримиримости создателей спектакля к миру «энергичных». Процесс превращения их в преступников находился в центре внимания режиссера Е. Циковой. Ироничный гротеск – основной её прием в решении образов, предельно гиперболизированных в традиции смеха русского драматурга А. Сухово-Кобылина. Она заостряла суд над персонажами включением в число действующие лица спектакля

Комментатора, который непринужденно вёл сценический рассказ, доверительно раскрывая особенности характера «энергичных людей». Е. Цикова как режиссер находилась под воздействием имевшего европейский резонанс спектакля Ленинградского Большого драматического театра им. М. Горького, когда режиссеру Г. Товстоногову удалось органично сочетать записанное на пленку авторское чтение «Энергичных людей» с отличной игрой актерского ансамбля.

Театральный критик М. Басмаджиева положительно оценила еще одну сатирическую комедию Шукшина «До третьих петухов», обладающую особой архитектурой и идейно-эстетическим зарядом. Поставленная в столичном театре «София» режиссером А. Поповым, она заявляла о себе как «стойкое театральное зрелище, определяемое контрастом между гротеском и откровенным реализмом»⁵⁸. Музыка и танцы, песни и акробатическая ловкость, статика и движение – весь богатый арсенал различных средств режиссуры подчинены стремлению сатирического изобличения современного мещанства, полное и динамичное раскрытие

⁵⁶ Там же. С. 30.

⁵⁷ Бабичева К. Ярък прочит // Народна култура. – София, 1978. – 7 юли. – С. 5.

⁵⁸ Басмаджиева М. Сполучлив експеримент // Театър. – 1978. – № 2. – С. 48.

авторской мысли. «С упоительным самодовольством на сцене прошла целая галерея лиц животного типа. Режиссер разоблачает неуловимую поступательность *посредственности*, прикрываемую чувствами «энергичных людей»⁵⁹.

**«Рассказчик всю жизнь
пишет один большой роман»
(В. Шукшин)**

В художественное наследие великого писателя и кинематографиста органично вписаны два романа – «Любавины» (1965) и «Я пришел дать вам волю» (1971), содержащие философско-мировоззренческие, тематические и иные *переклички* с его остальной прозой. В рабочих записях Шукшина, поражающих многими свидетельствами неутомимых исканий, прозрений и ценных находок, есть и такая, исповедальная. «*Рассказчик всю жизнь свою пишет один большой роман*. И оценивают его потом, когда роман дописан и автор умер...»⁶⁰. Есть что-то чеховское в этом признании, но заветный смысл двух фраз, пре-

жде всего, *в мечте о романе*. Потому его первый исторический роман об идейно-нравственном противостоянии крестьянства в Сибири 1920-х годов неистово писался одновременно с ранними рассказами, а разинская тема вынашивалась всю недолгую жизнь.

Страницы восприятия «Любавиных» в зарубежных культурах существенно дополняют и корректируют неоднозначную оценку романа в России. Некоторые деятели культуры за рубежом также придерживаются полярных мнений. Словацкий филолог-русист Д. Слободник недвусмысленно заявлял: «Рассказ чаще всего встречается у Шукшина, хотя как писатель он *всесторонний*»⁶¹. Напротив, его немецкий коллега А. Хирше, отдавая предпочтение его мастерству рассказчика, утверждал, что «Шукшин, конечно, не был романистом»⁶². Время, как строгий Судия, рассудило иначе. Громкий успех – присуждение первого приза «Золотой Лев Св. Марка» авторскому фильму «Живет такой парень» на Венецианском кинофестивале (1964), демонстрация его на

59 Иванова А. Настыпление срещу «энергичните хора» // Народна култура. – 1975. – 15 ноем. – С. 4.

60 Шукшин В.М. Вопросы к самому себе. – М.: Молодая гвардия, 1981. – С. 249.

61 Slobodnik D. Vasily Šukšin: «Strecha nad hlavou» // Slovenské pohľady. – 1972. – No. 7. – P. 151.

62 Hiersche A. Ein legendärer Rebell aus dem Heute gesehen // Neues Deutschland. – 1979. – 17./18. Febr. – S. 14.

польском экране, журнальные публикации рассказов писателя и выпуск одноименного сборника его избранных рассказов подготовили появление в Польше «Любавиных» в переводе А. Богданьского тремя изданиями. Затем роман выходил в свет на болгарском и румынском языках в двух книгах.

Новые публикации способствовали расширению известности Шукшина-романиста и его освоения в контексте всего творчества. «Любавины» вносят новые штрихи в творческий портрет «польского», «болгарского» и «румынского Шукшина». Немаловажным основанием для появления и громкого успеха «Любавиных» в названных странах служит осознание значительной *роли крестьянских корней* в национальных культурах.

Как активный участник культурной жизни Болгарии, Шукшин-романист также находился в поле зрения философско-эстетической мысли. «Любавины» в переводе К. Савова выпустило издательство «Народная культура» (1981) в серии «Избранные романы», тем самым подчеркнув значение творчества русского прозаика и его принадлежность к выдающимся мастерам эпического жанра. В аннотации на повторное издание романа

говорилось: «Желанная встреча с уже зрелым и впечатляющим талантом Шукшина подтвердила у нас представление о высоком мастерстве писателя. Его порыв – сохранить достоинство человека, взглянуть в его «малые» драмы, разобраться в его самородном таланте, принять читательское доверие, что порождает раскрытие с предельной откровенностью правды, правды без сочинительства, фальши и приспособления к конъюнктуре»⁶³.

В одной из первых рецензий на «Любавиных» публицист Н. Давидов пролил свет на своеобразие прихода «болгарского Шукшина», имя которого напоминает о знакомстве с его авторским кино и лентами с актерским участием. Сам роман порождал не одну ассоциацию с его киноискусством. И критик особо подчеркивал суть жестокой смертельной схватки «старого мира, старого строя и старого быта» с «новым, ставшим зарей новой жизни»⁶⁴. Он тонко почувствовал специфику художественного мышления Шукшина-писателя и кинематографиста, его удивительную способность к своеобразному «переселению душ», когда автора можно пред-

63 Шукшин В. Любавины. – София, 1988. – 448 с.

64 Давидов Н. Шукшиновите сибиряци от Баклан // Факел. – 1982. – № 5. – С. 219.

ставить «то в образе одного, то в образе другого персонажа». Передавая для соотечественников основное содержание «эпического рассказа о людях, сильных духом и телом», где «разыгрывается не одна человеческая драма», Н. Давидов считал нужным зафиксировать, что перевод «Любавиных» почти безупречен.

Сага о Любавиных правомерно анализировалась филологом-русистом И. Петровым как проявление стремления художника к расширению горизонтов творчества. Произведение значительно для того направления, в каком развивалась проза Шукшина, как менялась его эстетическая система, обогащаясь новыми постулатами. Персонажи книги являются *существенным развитием образов* русского крестьянства в его художественном наследии. Эрудированный болгарский шукшиновед утверждал, что «Любавины» относятся к жанру исторического романа, по своему историко-философскому наполнению написанного духе романтико-приключенческой традиции сибирской словесности, заложенной в свое время В. Шишковым и Д. Маминым-Сибиряком⁶⁵. Главным для Шукшина являлось *культурно-характерологическое исследование* русского крестьянства,

его участие в социальных процессах сибирской деревни 1920-х годов, что проливает свет и на некоторые её современные проблемы...

Роман о Степане Разине – заветное слово Шукшина

Болгарский переводчик романа о Разине Б. Мисирков, многое сделавший для ознакомления своих соотечественников с художественным словом Шукшина, с удовлетворением констатировал успех его у читающей публики и деятелей национальной культуры. Крупнейшее издательство «Народная культура» посчитало нужным отметить в аннотации, что «исторический роман Шукшина – правдивое повествование о сложных и драматических перипетиях крестьянского восстания под предводительством атамана Степана Разина. Автор по-настоящему влюблен в своего героя. Он настолько вжился в характер его, проник в его помыслы и мечты, что все тайное и недостойное в душе мятежного атамана становится явным и зримым»⁶⁶. Б. Мисирков акцентировал внимание болгарских почитателей Шукшина на пронизательном утверждении писателя: «Осмысление этого

65 Петров И. Повести Василия Шукшина // Болг. русистика. – 1984. – № 6. – С. 9.

66 Шукшин В. Дойдох свобода да ви дам. – София, 1982. – 446 с.

сложного человека и его дела началось давно и не завершится нами. До тех пор, пока народ помнит и любит Разина, художники вновь и вновь будут обращаться к нему»⁶⁷.

Среди филологов и теоретиков культуры выделялась своим проблемным звучанием работа Т. Шейтанова «Эпическое изображение в романе Шукшина «Я пришел дать вам волю» и опыт Л. Толстого». По своим художественным качествам и этическому содержанию, справедливо утверждал он, творчество Шукшина есть *диалектическое продолжение* достижений русской классической культуры Л. Толстого, Достоевского, Чехова, Гоголя. Тем самым Шукшин доказал действенность идей, завещанных от них, и рациональное им продолжение. «Роман о Разине есть *наивысшее достижение* в ипостасях Шукшина. Им он *обогадил образ русского*, человека из народа, рассматривая его сущность в историческом плане, на фоне значительного по своему характеру исторического события»⁶⁸. Тема специально избрана Шукшиным с целью актуализировать проблему исторического времени, *«осветив по-новому истори-*

67 Там же.

68 Шейтанов Т. Эпическое изображение в романе на В. Шукшин «Дойдох свобода да ви дам» и опыт на Л. Толстой // Родна реч. – 1981. – № 8. – С. 41.

ческую правду». Т. Шейтанов определял новое качество романов «Война и мир» и «Я пришел дать вам волю» в эпической широте, размахе художественного изображения, охватывающего «вертикальный» и «горизонтальный» облик конкретной объективной действительности, событий с определенным национальным значением, отражающим масштабную важность и драматизм исторического процесса.

Роман о Разине содержал в своей форме особенности классического *эпического изображения*, результатом чего является идейно-художественный синтез, определяемый конкретными выводами на основе эпической связи между характером разинского восстания и событиями, сопутствующими борьбе. Шукшин сознательно ограничивал требования к форме эпического изображения, объединяя относительно лаконичное художественное выражение колорита повествования с содержанием исторической правды. Конкретно «синтетизм» романа проявляется в предоставленной писателем постоянной драматической ситуации. Толстой и Шукшин через отношение героев к событию *раскрывают силу русского характера и несломленную волю народа*. В их романах, полагал Т. Шейтанов, отражена психология контраста в обще-

ственной жизни, а эпическая широта подчинена авторской задаче – дать единый обобщенный образ действительности на фоне важнейших исторических событий. «Шукшин, – правомерно утверждал славист, – многое воспринял из опыта Л. Толстого, опыта классики»⁶⁹. Он сознательно обращал внимание на характер и психологию одного человека из народа – Степана Разина, определив ему центральное место в образной системе романа. Болгарский русист отмечал творческое отношение современного автора к классическому образцу через подчеркнутое внимание к нравственно-этическому облику вождя и других представителей народа.

Различие в тематике произведений и идейно-художественном мировоззрении больших писателей-мыслителей отражается в разных аспектах эпического изображения и образной системы. В своей целостности образ Разина есть наивысшее измерение личности борца. Его внутренний облик предстает в органической связи с известными традициями «революционного» романтизма, увиденного не только в психо-пластических его изображениях, но и в эмоционально-ассоциативной сущности его мировоззрения. Существенным, на взгляд

69 Там же. С. 42.

Т. Шейтанова, выглядит стремление, с каким Шукшин пытается выявить историческую правду в образе героя. Бросается в глаза глубокий демократизм в отношении Разина к тому, чему он следовал, чувство принадлежности к своему народу и единения с ним. Яркое достижение романа – *психологическая характеристика русской души*, мечты о воле, свободе и социальной справедливости, постоянное присутствие здорового народного духа.

В изображении быта и мышления персонажей, их взаимоотношений Толстой и Шукшин делали философско-эстетические выводы, не нарушающие объективной целостности исторической правды. В романе Шукшина используется исторический источник: документы эпохи «покрывают» произведение колоритной хроникой, придающей дополнительное своеобразие его композиции. Создается многоликий образ эпохи, присутствующий благодаря постоянным кинематографическим переменам места действия, «В своем творчестве Шукшин дал *завершенное выражение образа русского человека, специфики его духовности*. Он уплотнил эпическое изображение с целью создания единого художественного образа народа»⁷⁰.

70 Там же. С. 45.

Шукшин в художественных исканиях болгарских деятелей культуры

Опыт российских мастеров слова, среди которых находится и Шукшин, всегда оказывал серьёзную помощь в творческих исканиях болгарских деятелей художественной культуры, в утверждении новых жанровых и стилистических форм, нового уровня реализма в ней. Их многозначное влияние на творчество болгарских собратьев по перу, кинематографу, театру значительно тем, что помогали им успешно и плодотворно развиваться. Природа данного влияния, сила и законы собственно художественного взаимодействия усиливались сходством известных закономерностей социально-исторического развития двух славянских культур.

Есть все основания говорить о творческом воздействии прозы Шукшина на художественные искания Г. Величкова, А. Томова, Д. Нарымова, Б. Томова прежде всего в подаче жизненной драмы «простого человека», переоценке нравственных ценностей. Следуя творческому принципу русского художника, они пытались преодолеть известную дифференциацию на «положительного» и «отрицательного» героя, найти источники человеческого в

драматическом конфликте между конструктивными и деструктивными ценностями личности. Близок к поэтике повести «До третьих петухов» роман Г. Марковского «Хитрый Петр», олицетворяющий современное звучание народно-сказочной традиции в художественной культуре Болгарии.

К. Севов, прозаик и поэт, убежденно заявлял: «Мое отношение к Шукшину оформилось благодаря его художественным произведениям. Когда я прочитал его рассказы, то почувствовал необъятность Сибири, русской земли, живительные соки которой питали таланты многих писателей. В Шукшине я увидел сложность мысли и человечески простое отношение ко всему, что нас окружает. Неравнодушный, воплощающий в своем творчестве жизнь своего народа, он пошел по горячим следам сложной проблематики, к поиску правды времени. В нем есть исконное, неповторимое, что несет с собой магия настоящего искусства. Среди писателей-сибиряков он был одной из ярких звезд, потому что его слово искренно и оригинально. Он искал такую форму для своих мыслей, какую подсказывала правда времени. Его творчество надолго останется в сознании современников»⁷¹.

⁷¹ Письмо литературоведа-русиста Ивайло Петрова от 21.06.1987 г.,

Лирическое эссе-монолог, поражающее своей искренностью в постижении Шукшина на глубинном духовном уровне, «изнутри», посвятил русскому мастеру болгарский прозаик Б. Томов. «Когда читаешь его рассказы подряд, то видишь его лицо и слышишь его голос; знаешь это лицо не по экрану, я видел его много раз в жизни. Кажется, сел напротив тебя Василий Макарович рассказать какую-то историю, которая сама собой записывается. В рассказах Шукшина так много человеческих историй и каждая сама по себе представляет уже целый маленький мир. А это значит, что, раскрывая книгу, попадаешь в настоящий космос»⁷².

Во многом показательна близость Йордана Радичкова и Василия Шукшина в их творческой эволюции *от лирического к сатирическому*. Почти ровесники, оба родом из села, с молоком матери впитавшие богатый язык народа, его нравственность и мудрость. Многое можно почерпнуть, отмечает Й. Радичков, у «самобытного и сильного писателя-явления, которое само по себе – средоточие многих направлений, своеобразное их скрещивание; творчество Шукшина – сво-

Шумен, Болгария. (Из архива автора).

72 Там же.

его рода синтез различных искусств: *в нём были задатки ренессансного человека»*⁷³. Непривычный для болгарской художественной культуры, сложившийся неожиданно, оригинально и самовластно, стиль Й. Радичкова сегодня оценен по достоинству. Теоретики культуры единодушно признают, что пародийное, многоголосное, многозначимое слово, введенное им в болгарскую художественную культуру, как нельзя более подходит для выражения процесса превращения крестьянина в горожанина, специфического в болгарских условиях.

Писатель Г. Величков пронизательно фиксировал, что публицистика Шукшина завершает болгарское восприятие его творчества к вместе с тем служит послесловием к нему, показывающим мощный духовный потенциал русского феномена⁷⁴. В предисловии к сборнику статей «Монолог на лестнице» (1983) Л. Димитров с чувством заявлял: «Вновь нас обжигает пламень его богатого и тревожного сердца, в котором правду о современности говорит не удачный кабинетный вымысел, а глубоко выстраданная *человеческая боль и*

73 Свиленов А. Разговор с писателем // Иностранная литература. – 1979. – № 8. – С. 289.

74 Величков Г. Монолог на стълбите // Литературен фронт. – 1984. – 2 февр. – С. 7.

тревога»⁷⁵. Публицистика Шукшина, справедливо утверждал он, не могла не иметь отношения к нравственному пафосу её творца, общему духу его идей и пристрастий. Она есть логическое продолжение его художественного творчества, отстаивающим достоинство человека и его будущее. И в этом отношении Шукшин – яркий продолжатель традиций русской классической культуры. «Не столько неожиданным, сколько открытием для нас является «диалогический строй», точнее, нерв публицистического слова Шукшина, та эмоциональная амплитуда, жаркая атмосфера статей, которые вызывают у нас чисто физическое представление о стоящих друг против друга оппонентах»⁷⁶. Гражданская позиция Шукшина-художника верно прочувствована болгарским сознанием. Кроме того, вопрос о нравственности предстает еще одним важным узлом в публицистике писателя, где он с предельной искренностью и целеустремленностью хотел добраться до сердцевины жизненных явлений. В ней есть своя тревожно-светлая философия, высоко возносящая достойного человека в иерархии нравственной стойкости.

75 Димитров Л. Оптимизъм в болката // Шукшин В. Монолог на стълбите. – София, 1983. – С. 5.

76 Там же.

Заключение

Болгарские деятели культуры вновь и вновь высказывают справедливое мнение о публицистике как продолжении творческих ипостасей Шукшина. Такая «монолитность и неразрывность», подчеркивал, в частности, К. Еленков, выглядит определенной чертой характера, признаком стиля и силы духа автора. Раздумья, идеи и надежды, собранные в «Монологе», есть непринужденный, не связанный жанровыми рамками рассказ о мире, в котором он жил и который жил в нём самом. Над всем в книге господствует высокий талант художника, оставившего живые и памятно написанные страницы. «Вопросы к самому себе» превращаются в вопросы к нам самим. Шукшинский монолог имеет обязательное качество: из него получился полемически острый и беспокойный диалог. «Монолог на лестнице» воспринимается *единым дневником* исполненного доброй воли и нравственной энергии человека, его совести. Шукшин коренным образом изменил смысл публицистики»⁷⁷. Ведь статьи, дневники, записные книжки или рабочие записи мастеров слова помогают глубже понять и объяснить их роль в на-

77 Еленков К. Литература е нравственност // Факел. – 1984. – № 1. – С. 218.

циональной культуре. Умение Шукшина талантливо прорываться к подлинно человеческому в душах людей позволило болгарскому филологу Д. Цветковой увидеть в нём «необыкновенно чуткого к окружающему миру художника, проза и публицистика которого *исполнены болью за завтрашний день*»⁷⁸.

Популярность и славу Шукшина в Болгарии следует объяснить целостностью и масштабностью мышления художника, сумевшего поставить и, что не менее важно, *ответить на актуальные вопросы* нашего невероятно сложного времени, доверительно говорить болгарскому сердцу о простом и близком каждому. Высокий уровень признания его в славянской культуре формируется также сродством поэтики одарённого сына России с поэтикой славянского классического искусства, с восприятием его в контексте национальной художественной традиции. Постигая мощную полнокровную прозу, авторское кино, сатирический театр и нравственный пафос публицистики Шукшина, деятели болгарской культуры осмыслили удивительный феномен русского художника, трагическое величие русского человека. «Мы благодарны Шукшину за то, что он ввел нас во внутренний мир своего

творческого процесса»⁷⁹. Воздействие и обаяние Шукшина проистекает издалека – от народного, чистого и жизненно-го источника, чтобы влиться в меняющееся сегодня и завтра. «Этот источник нужно оставить не пересыхающим, чтобы черпать из него премудрость, силу и вдохновение»⁸⁰.

К важнейшим достижениям болгарской философско-культурологической мысли относится стремление рассматривать современную русскую художественную культуру, представляемую и Шукшиным, как общее достояние славянской культуры (А. Свиленов), мощный фактор, участвующий в болгарской социокультурной жизни: роман о Разине как наивысшее достижение в ипостасях Шукшина, обогативший образ русского человека из народа (Т. Шейтанов). Уроки Шукшина оказались действенными для болгарской творческой интеллигенции «Поистине, матушка Русь, удивительна твоя богатырская способность рождать такую жизненную силу, такие пронизанные глубоким гуманизмом и тревожной гражданской совестью неисчерпаемые и могучие таланты!»⁸¹

79 Там же. С. 15.

80 Там же.

81 Игов С. Таланти руски // Пламък. – 1977. – № 4. – С. 217-218.

78 Цветкова Д. Памяти В.М. Шукшина // Болг. русистика. – 1974. – № 6. – С. 10.

Библиография

1. 365 дни кино 1975 година. – София, 1977. – С. 140.
2. Бабичева К. Ярък прочит // Народна култура. – 1978. – 7 юли. – С. 5.
3. Басмаджиева М. Сполучлив експеримент // Театър. – 1978. – № 2. – С. 48.
4. Боздуханов Н. Проверка на силите // Театър. – 1979. – № 1. – С. 32.
5. Величков Г. Монолог на стълбите // Литературен фронт. – 1984. – 2 февр. – С. 7.
6. Выдающееся явление мировой культуры // Искусство кино. – 1979. – № 9. – С. 176.
7. Давидов Н. Шукшиновите сибиряци от Баклан // Факел. – 1982. – № 5. – С. 219.
8. Димитров Л. Оптимизъм в болката // Шукшин В. Монолог на стълбите. – София, 1983. – С. 5.
9. Димова Д. Драмата и щастието на Прокудин // Народна култура. – 1975. – 7 юни. – С. 6.
10. Еленков К. Литература е нравственост // Факел. – 1984. – № 1. – С. 218.
11. Захаријева И. Новелистика В. Шукшина // Болг. русистика. – 1982. – № 5. – С. 3.
12. Златева М. С перо, наточено в истината // Бълг. журналист. – 1981. – № 3. – С. 47.
13. Иванова А. Настъпление срещу «енергичните хора» // Народна култура. – 1975. – 15 ноем. – С. 111-114.
14. Игов С. Таланти руски // Пламък. – 1977. – № 4. – С. 217-218.
15. Каракашев В. Безапелационна присъда // Пулс. – 1975. – № 23. – С. 12.
16. Левчев Л. О болгарской культуре // Литер. газета. – 1983. – 2 марта. – С. 15.
17. Любенов Л. Началото // Българо-съветска дружба. – 1959. – № 18. – С. 45.
18. Маркова Г. На театралния афиш – Шукшин // Театър. – София, 1976. – № 1. – С. 31.
19. Милев Н. Жалони на екрана: «Калина алена» // Работническо дело. – 1975. – 4 сент. – С. 4.
20. Молхов Я. Голямото доверие // Отечествен фронт. – 1975. – 26 мая. – С. 4.
21. Нецова Ц. Шукшин – майстор на портретната характеристика // Родна реч. – 1979. – № 8. – С. 6.

22. Орленов О. О българской культуре // Правда. – 1989. – 9 ноября. – С. 4.
23. Папазова М. За човека, както в медмцината, трябва да се борим до край // Драматичен театър Ст. Бъчваров. – Варна, 1975. – С. 4.
24. Петров И. Повести Василия Шукшина // Болг. русистика. – 1984. – № 6. – С. 4-9.
25. Письмо литературоведа-русиста Ивайло Петрова от 21.06.1987 г., Шумен, България. (Из архива автора).
26. Письмо переводчицы Кати Витановой от 15.07.1982 г., София. (Из архива автора).
27. Письмо переводчицы Лиляны Минковой от 6.05.1982 г., София. (Из архива автора).
28. Свиленов А. Василий Шукшин отблизо // Пламък. – 1975. – № 6. – С. 190.
29. Свиленов А. Нови лауреати на Ленинска награда // Отечествен фронт. – 1976. – 26 апр. – С. 8.
30. Свиленов А. Разговор с писателем // Иностр. литература. – 1979. – № 8. – С. 289.
31. Свиленов А. Шукшин – един своеобразен (литературен) творец // Съвременник. – 1975. – № 4. – С. 24.
32. Свиленов А. Шукшин на български // Народна младеж. – 1976. – 9 августа. – С. 6.
33. Стайков Д. Зрелището владее сцената // Театър. – 1978. – № 7. – С. 28-30.
34. Цветков И. Необикновената проза на Василий Шукшин (Предговор) // Шукшин В. Калина алена. – София, 1978. – С. 5.
35. Цветкова Д. Новелистът Шукшин – едино непредвидимо въздействие // Родна реч. – 1985. – № 3. – С. 1-4.
36. Цветкова Д. Памяти В.М. Шукшина // Болг. русистика. – 1974. – № 6. – С. 10-11.
37. Цолов Д. Делото се води при открити врати // Народна младеж. – 1975. – 1 дек. – С. 8.
38. Шейтанов Т. Епичното изображение в романа на В. Шукшин «Дойдох свобода да ви дам» и опитът на Л. Толстой // Родна реч. – 1981. – № 8. – С. 41-45.
39. Шейтанов Т. Прозата на В. Шукшин и традициите на руската класическа литература // Литературна мисъл. – 1983. – № 9. – С. 55-68.

40. Шукшин В. Дойдох свобода да ви дам. – София, 1982. – 446 с.
41. Шукшин В. Любавины. – София, 1988. – 448 с.
42. Шукшин В.М. Вопросы к самому себе. – М.: Молодая гвардия, 1981. – 256 с.
43. Hiersche A. Ein legendärer Rebell aus dem Heute gesehen // Neues Deutschland. – 1979. – 17./18. Febr. – S. 14.
44. Slobodnik D. Vasily Šukšin: «Strecha nad hlavou» // Slovenské pohľady. – 1972. – No. 7. – P. 151.

Fraternal heart of Siberia: Vasiliy Shukshin in Bulgarian culture (to the 70th anniversary of Bulgaria's liberation from German fascism)

Stopchenko Nikolay Ivanovich

Full Doctor of Cultural Studies, professor,
Southern Federal University,

P.O. Box 344006, Bol'shaya Sadovaya str., No. 105, Rostov-on-Don, Russian Federation;
e-mail: nikis.don@yandex.ru

Abstract

The article is dedicated to the perception and development of spiritual and moral roots of "Bulgarian Shukshin". Russian artistic culture and creativity of V. Shukshin for Bulgarian consciousness also means about the same as classical Latin literature in the Western Europe during the Renaissance. Bulgarian pages in the annals of world recognition of Russian artist – one of the most interesting and impressive, as they reflected a noble and deeply empathetic soul of the brotherly people, responding with sincere sympathy to its attractive innermost word and auteur cinema.

Having widely and organically entered into the structure of the Bulgarian democratic culture, Shukshin acquires certain "rights of citizenship" on Bulgarian territory, catching fancy by a taking humanism and genuine national character,

intensity of moral reflections and passions, profound psychological and dramatic twists and turns of human destinies. For this reason, under the Balkan sky, his books, films and satirical comedies found its grateful acknowledgment of readership and viewership, thoughtful cultural figures, scientific nature of the study. Not by chance in the study of his heritage one can track all forms of the mastering, including a fruitful impact on art pursuits of Bulgarian writers, filmmakers, theater directors and actors. The popularity and fame of Shukshin in Bulgaria should be explained by the integrity and scale of thinking of the Russian classic, who managed to raise and just as important to answer the pressing questions of our incredibly difficult time, to talk confidentially to Bulgarian heart on the simple and intimate to everyone. His high level of recognition in the Slavic culture is also formed by affinity of poetics of the Russian gifted son with the poetics of Slavic classical art, with perception of himself in the context of national artistic traditions. The most important achievements of the Bulgarian philosophical and cultural thought include the desire to consider modern Russian art culture, represented by Shukshin as well, as a common heritage of Slavic civilization.

Keywords

Sense of community, spiritual and moral roots, "Bulgarian Shukshin", auteur cinema, meaning of life, satirical comedy, Shukshin lessons.

References

1. *365 dni kino 1975 godina*, Sofia, 1977, p. 140.
2. Babicheva, K. (1978), "Yar"k pročit", *Narodna kultura*, 7 juli, p. 5.
3. Basmadzhieva, M. (1978), "Spoluchliv eksperiment", *Teat"r*, No. 2, p. 48.
4. Bozdukhanov, N. (1979), "Proverka na silite", *Teat"r*, No. 1, p. 32.
5. Davidov, N. (1982), "Shukshinovite sibiryatsi ot Baklan", *Fakel*, No. 5, p. 219.
6. Dimitrov, L. (1983), "Optimiz"m v bolkata", *Shukshin V. Monolog na st"lbite*, Sofia, p. 5.
7. Dimova, D. (1975), "Dramata i shchastieto na Prokudin", *Narodna kultura*, 7 June, p. 6.
8. Elenkov, K. (1984), "Literatura e npravstvennost", *Fakel*, No. 1, p. 218.

9. Hiersche, A. (1979), "Ein legendärer Rebell aus dem Heute gesehen", *Neues Deutschland*, 17/18. Febr., S. 14.
10. Igov, S. (1977), "Talanti ruski", *Plam"k*, No. 4, pp. 217-218.
11. Ivanova, A. (1975), "Nast"plenie sreshchu "energichnite khora", *Narodna kultura*, 15 November, pp. 111-114.
12. Karakashev, V. (1975), "Bezapelatsionna pris"da", *Puls*, No. 23, p. 12.
13. *Letter of the literary critic and specialist in Russian philology Ivaylo Petrov from 21.06.1987. (From the author's archive) [Pis'mo literaturoveda-rusista Ivailo Petrova ot 21.06.1987 g. (Iz arkhiva avtora)]*, Shumen, Bulgaria.
14. *Letter of the translator Katya Vitanova from 15.07.1982. (From the author's archive) [Pis'mo perevodchitsy Kati Vitanovoi ot 15.07.1982 g. (Iz arkhiva avtora)]*, Sofia, Bulgaria.
15. *Letter of the translator Ljiljana Minkova from 05.06.1982. (From the author's archive) [Pis'mo perevodchitsy Lilyany Minkovoi ot 6.05.1982 g. (Iz arkhiva avtora)]*, Sofia, Bulgaria.
16. Levchev, L. (1983), "About Bulgarian culture" ["O bolgarskoi kul'ture"], *Liter. Gazeta*, 2 March, p. 15.
17. Lyubenov, L. (1959), "Nachaloto", *B"lgaro-s"vetska druzhba*, No. 18, p. 45.
18. Markova, G. (1976), "Na teatralniya afish – Shukshin", *Teat"r*, Sofia, No. 1, p. 31.
19. Milev, N. (1975), "Zhaloni na ekrana: "Kalina alena", *Rabotnichesko delo*, 4 September, p. 4.
20. Molkhov, Ya. (1975), "Golyamoto doverie", *Otechestven front*, 26 May, p. 4.
21. Netsova, Ts. (1979), "Shukshin – maistor na portretnata kharakteristika", *Rodna rech*, No. 8, p. 6.
22. Orlenov, O. (1989), "O bolgarskoi kul'ture", *Pravda*, 9 November, p. 4.
23. Papazova, M. (1975), "Za choveka, kakto v medmtsinata, tryabva da se borim do krai", *Dramatichen teat"r St. B"chvarov*, Varna, p. 4.
24. Petrov, I. (1984), "Stories of V. Shukshin" ["Povesti Vasiliya Shukshina"], *Bolg. Rusistika*, No. 6, pp. 4-9.
25. "Remarkable phenomenon of world culture" ["Vydayushcheesya yavlenie mirovoi kul'tury"], *Iskusstvo kino*, 1979, No. 9, p. 176.
26. Sheitanov, T. (1981), "Epichnoto izobrazhenie v romana na V. Shukshin "Doidokh svoboda da vi dam" i opit"t na L. Tolstoi", *Rodna rech*, No. 8, pp. 41-45.

27. Sheitanov, T. (1983), "Prozata na V. Shukshin i traditsiite na ruskata klasicheska literature", *Literaturna mis'l*, No. 9, pp. 55-68.
28. Shukshin, V. (1982), *Doidokh svoboda da vi dam*, Sofia, 446 p.
29. Shukshin, V. (1988), *Lyubaviny*, Sofia, 448 p.
30. Shukshin, V.M. (1981), *Questions to oneself [Voprosy k samomu sebe]*, Molodaya gvardiya, Moscow, 256 p.
31. Slobodnik, D. (1972), "Vasily Šukšin: "Strecha nad glavou", *Slovenské pohľady*, No. 7, p. 151.
32. Staikov, D. (1978), "Zrelishcheto vladee stsenata", *Teat'r*, No. 7, pp. 28-30.
33. Svilenov, A. (1975), "Shukshin – edin svoeobrazen (literaturen) tvorets", *S"vremennik*, No. 4, p. 24.
34. Svilenov, A. (1975), "Vasilii Shukshin otblizo", *Plam"k*, No. 6, p. 190.
35. Svilenov, A. (1976), "Novi laureati na Leninska nagrada", *Otechestven front*, 26 April, p. 8.
36. Svilenov, A. (1976), "Shukshin na b"lgarski", *Narodna mladezh*, 9 August, p. 6.
37. Svilenov, A. (1979), "Conversation with the writer" ["Razgovor s pisatelem"], *Inostr. literatura*, No. 8, p. 289.
38. Tsolov, D. (1975), "Deloto se vodi pri otkriti vrati", *Narodna mlpdezh*, 1 December, p. 8.
39. Tsvetkov, I. (1978), "Neobiknovenata proza na Vasilii Shukshin (Predgovor)", *Shukshin V. Kalina alena*, Sofia, p. 5.
40. Tsvetkova, D. (1974), "In memory of V.M. Shukshin" ["Pamyati V.M. Shukshina"], *Bolg. Rusistika*, No. 6, pp. 10-11.
41. Tsvetkova, D. (1985), "Novelist"t Shukshin – edino nepredvidimo v"zdeistvie", *Rodna rech*, No. 3, pp. 1-4.
42. Velichkov, G. (1984), "Monolog na st"lbite", *Literaturen front*, 2 February, p. 7.
43. Zakhariyeva, I. (1982), "Novelistic of V. Shukshin" ["Novellistika V. Shukshina"], *Bolg. Rusistika*, No. 5, p. 3.
44. Zlateva, M. (1981), "S pero, natocheno v istinata", *B"lg. zhurnalist*, No. 3, p. 47.